

и иступленную восторженность».²⁶ Такое описание по самой своей сути является описанием мистико-экстатического состояния постигающего истину, познающего.

Таким образом, платоновский миф о пещере, символизирующий динамику познания мира как отдельным человеком, так и человечеством в целом, носит одновременно трагический и оптимистический характер. В. Ф. Эрн, сделав главным предметом своего внимания гносеологическую сущность этого мифа, безусловно способствовал более глубокому постижению как творчества Платона, так и познания.

---

²⁶ Эрн В. Ф. Соч. С. 476.

Е. И. ЧУБУКОВА

ПРОБЛЕМЫ ПЛАТОНИЗМА В ФИЛОСОФСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ П. Д. ЮРКЕВИЧА

Тема платонизма является одной из наиболее значительных тем в русской философии XIX — начала XX в. Многие выдающиеся русские философы, такие как Вл. Соловьев, С. Л. Франк, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, Г. Г. Шпет, А. Ф. Лосев, обращались к творческому наследию Платона, видя в нем основание своих собственных воззрений. Одно из глубоких исследований учения Платона принадлежит профессору московского университета П. Д. Юркевичу, творчество которого оказало значительное влияние на формирование философских взглядов Вл. Соловьева, считавшего его своим учителем. На протяжении всей своей творческой деятельности Юркевич был приверженцем платонизма, постоянно обращался к наследию великого греческого мыслителя, поставившего фундаментальные онтологические и теоретико-познавательные проблемы, определившие пути дальнейшего развития мировой философской мысли.

В своей первой публикации под названием «Идея» русский философ раскрывает свое понимание учения Платона о разуме и идеях, его роль в системах Декарта, Спинозы, Лейбница, Фихте, Гегеля. Это произведение, имеющее программный характер, рассматривающее вопрос об идее как философском принципе и источнике познания безусловного, выражает общую платоническую тенденцию мировоззрения Юркевича. Использование Платоном термина «идея», обозначающего вид, форму, образ, по мнению Юркевича, определялось особенностями греческого духа, для которого было характерно художественное пластическое мирозерцание,

не отделяющее мысли от того образа, которым она сопровождается в нашем сознании. В соответствии с этим мирозерцанием открытый Платоном мир идей предстает сознанию философа как царство форм, образцов и первообразов, в которых господствует правильность, гармония и единство.¹ Для того чтобы подчеркнуть специфику платоновской идеи, Юркевич сравнивает ее с формами нашего познания — представлением и понятием. Если представление говорит о вещи как нашем собственном психическом состоянии, понятие выражает вещь в ее необходимом действительном бытии, то идея, согласно Юркевичу, показывает, что такое вещь в ее отношении к безусловной основе явлений.²

Юркевич считает, что именно мирозерцание с точки зрения идеи является истинно философским, так как философия стремится понять явления внешнего и внутреннего опыта в их зависимости от безусловной основы всякой действительности.³ В идее разум постигает явления в целостном образе, в гармонии и полноте, как выражение единого начала. В противоположность изменчивости представлений, зависящих от состояний субъекта, идея есть неизменный образец для всего, что дано в опыте и представлениях. Не идеи определяются творчеством субъекта, но, напротив, творчество субъекта определяется идеями. Юркевич подчеркивает в этом аспекте, что истину, созерцаемую в идее, нельзя сотворить или изобрести, ибо ей свойственно вечное бытие, и человеческое мышление есть только стремление познать идею.

Согласно учению Платона, сущность вещи состоит в идеях, которым она причастна. Поскольку каждый предмет есть только часть идеи, он лишь подобен ей, но не тождествен. Идея — это то, чем должен быть предмет, и она является идеалом и прообразом для его развития. По мнению Юркевича, в самой попытке объяснить мир, исходя из идеи и посредством идеи, философия поднимается на высоту, недостижимую для обыденного сознания, отвечая вместе с тем вечным духовным стремлениям человечества. Согласно Платону, то, что делает космос чувственным и механическим, есть нечто несущественное и несуществующее. Истинная действительность принадлежит божественному и разумному как такой духовной сущности, которая служит источником бытия и познания. Идея есть сущность и первообраз космоса. Именно от нее он получает все свое совершенство, гармонию, красоту и добро. Платоновская идея, подчеркивает Юркевич, не есть просто понятие, относящееся к сфере рассудочного логического мышления, но абсолютная духовная сущность, единство и целостность.⁴ Безусловное единство идеального мира, по Платону, сосре-

¹Юркевич П. Д. Идея // П. Д. Юркевич. Философские произведения. М., 1990. С. 9.

²Там же. С. 12.

³Там же.

⁴Там же. С. 27.

доточено в идее Блага как последней цели бытия и мышления. То, что платоновская идея не является только отвлеченной логической идеей, доказывает, согласно Юркевичу, возвышенное поэтическое изображение ее греческим философом.

Идея в учении Платона дышит любовью, красотой, добром. Именно в этом видит Юркевич достоинство платоновского идеального мирозерцания, проникнутого нравственными и эстетическими ценностями. Юркевич согласен с Платоном, что знание есть добродетель и добродетель — красота. По Платону, философствовать — значит искать истины, делать добро, наслаждаться созерцанием красоты. «Красота есть форма истинного и доброго, и такое значение имеет она не только в делах человека, но и в явлениях мира, рождение которого совпадает с днем рождения красоты (Венеры)». ⁵ По мнению Юркевича, учение Платона об идее соответствует исконным потребностям человеческого духа и прежде всего его этическим, нравственным, эстетическим и религиозным влечениям. Философия как целостное мирозерцание, подчеркивает Юркевич, никогда не ограничивается чисто логическим содержанием и открывает мир не только для разума, но также для воли и сердца. Эти выводы, сделанные Юркевичем из рассмотрения концепции Платона, явились основой теории «всеединства» Вл. Соловьева и его последователей, выдающихся представителей русского духовного Ренессанса конца XIX — начала XX в.

В более поздней работе «Разум по учению Платона и опыт по учению Канта» Юркевич сопоставляет философские системы двух выдающихся мыслителей, выявляет их различие и взаимосвязь. Именно эти две системы, по его мнению, являются фундаментом современной европейской философской мысли. Два и только два основных убеждения возможны для духа, насколько он открывает свою деятельность в познании и изучении явлений. Одно из них состоит в том, что духу присущи начала, делающие возможным познание самой истины, другое — в том, что ему присущи начала, делающие возможным только приобретение общегодных сведений. ⁶ Первый взгляд, согласно Юркевичу, развит в образцовом для всех времен совершенстве Платоном в его учении о разуме и идеях, второй — Кантом в его учении об опыте. Юркевич подчеркивает фундаментальное различие между системами Платона и Канта. Платон проводит отличие между предметами, как они даны в опыте, и предметами, как они даны в разуме. Кант отличает предметы, как они есть сами по себе, и предметы, как они даны в нашем субъективном восприятии. Первый находит возможным знание самой истины, второй — только знание общегодное. ⁷

⁵ Там же. С. 28.

⁶ Юркевич П. Д. Разум по учению Платона и опыт по учению Канта // П. Д. Юркевич. Философские произведения. С. 467.

⁷ Там же. С. 468.

Согласно Платону, только невидимый мир сверхчувственных сущностей вещей познаваем, область опыта есть область «теней», и только стремление разума в сверхчувственный мир есть путь к свету знания и истины. Согласно учению Канта, напротив, только мир чувственно воспринимаемых явлений познаваем и только деятельность в сфере опыта есть путь к знанию.⁸ По мнению Юркевича, система Канта противоположна по своим исходным установкам философским учениям, господствующим от Платона до Лейбница. В течение тысячелетий господствовало платоническое учение о разуме. Система Канта знаменует новую эпоху потому, что его философия имеет в качестве предпосылки не признание истины чистого разума, а его критику. Юркевич считает, что философия опыта Канта имела безусловную ценность, так как разоблачила концепцию «реализма», признающую объективное существование чувственно воспринимаемых предметов и их отражение в нашем познании. Кант показал в своем учении, что наши познавательные способности сами производят образы вещей, называемые данными опыта. Однако если для Платона явления отличаются от самих вещей как несовершенное исполнение от совершенного образца или копия от своего оригинала, то для Канта явление отличается от самих вещей в том смысле, что оно есть субъективное представление. Быть явлением и быть представлением, по Канту, одно и то же. Если для Платона явление содержит указание на сами вещи, то, согласно учению Канта, явление только указывает на функции познающего субъекта, а не на сами вещи. Действительно же сущее или подлинная действительность есть нечто совершенно непознаваемое, потому что мы не можем познавать вещи, «отрешившись» от функций познания, которые все познаваемое делают явлением. С точки зрения Платона, истинно сущее есть идеи, оно есть в разуме, и познаваемость ему свойственна изначально.⁹

Однако, несмотря на столь фундаментальные различия, по мнению Юркевича, между концепциями Платона и Канта есть общее. Оно касается проблемы субъективности всех наших опытных познаний, при этом к убеждению о субъективности опыта Кант, согласно Юркевичу, приходит тем же самым путем, какой был избран Платоном в «Теэтете» для доказательства, что наши познания не ограничиваются одними только ощущениями и что они суть познания самой истины.¹⁰ В указанном диалоге мы находим учение Платона о том, что многие ощущения, совершенно несоизмеримые по своему качеству, делаются соизмеримыми для разума, потому что соединяются в идеях бытия, того же и другого, которые душа знает сама по себе, т. е. сама по себе находит в них общее.¹¹ Именно вследствие

⁸ Там же. С. 496.

⁹ Там же. С. 500.

¹⁰ Платон. Теэтет (184e–187b) // Платон. Соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1970. С. 283–285.

¹¹ Юркевич П. Д. Разум по учению Платона. . . С. 472.

деятельности души, руководствующейся знанием сверхопытных идей, мы различаем вещи и их изменения, находим их существующими, сходными, различными, тождественными.

Таким образом, признавая субъективную природу ощущений, Платон приписывал истину тому знанию, которое душа образует сама по себе, или сверхчувственным идеям, делающим возможным сам здравый смысл и обыденный опыт. Согласно Юркевичу, Кант в «Критике чистого разума» подобным образом доказывает, что нечто может быть принято за предмет только тогда, когда чувственные данные, переработанные средствами познающего субъекта, соединяются в то объективное сверхопытное единство, которое обеспечивается категориями рассудка.¹² Только этим актом рассудка, этим отнесением ощущений к сверхопытному и внутреннему единству или сверхчувственной идее вещи объясняется Кантом возможность самого восприятия предметов в опыте. Такой способностью категории, по Канту, обладают потому, что они суть формы не личного эмпирического сознания, а безличного и всеобщего или, согласно терминологии немецкого философа, чистого сознания.¹³ По мнению Юркевича, учение Канта о трансцендентальном сознании и о сверхопытных категориях как независимых от личного опыта формах для объективной связи представлений выражает по существу мысль «Теэтета» Платона о том, что душа многое знает сама по себе, т. е. независимо от опыта и от личных эмпирических состояний субъекта, и именно это знание делает возможным опыт и так называемый здравый смысл.

Однако, несмотря на несомненное сходство путей, которыми шли Платон и Кант, они, подчеркивает Юркевич, пришли к различным выводам вследствие различных изначальных предпосылок. Платон, в отличие от Канта, видел в идеях не функции познающего субъекта, обеспечивающие единство представлениям в суждениях, а истину самого разума. Кантовское учение о тождестве функций, подводящее чувственные данные под категории и сопровождающее эти функции единство самосознания, существенно отличается от теории идей Платона. Ошибка Канта, по мнению Юркевича, состояла в том, что он не взял за исходный пункт своего исследования платоновскую «наикрепчайшую истину»,¹⁴ а обратился к анализу производных категорий мышления. Согласно Платону, предметы посредством чувственности не «даны», а только «заданы разуму».¹⁵

В противоположность кантовскому учению о том, что мы можем познавать только чувственное, Платон утверждал, что всякое познание сверхчувственное, и предметы нам даны только через разум. Возбужда-

¹² Там же. С. 501.

¹³ Там же. С. 502.

¹⁴ Платон. Федон (100а–100е) // Платон. Соч.: В 3 т. Т. 2. С. 70–72.

¹⁵ Юркевич П. Д. Разум по учению Платона. . . С. 509.

ющая нас чувственность дает лишь случайный повод к познанию идей и не имеет ничего общего с содержанием этих идей, которые разум как бы припоминает и которым свойственны единство, всеобщность, равенство с собою.¹⁶ Исходя из истины разума, подчеркивает Юркевич, можно объяснить категории нашего мышления. Именно учение о феноменальных категориях является, согласно Юркевичу, тем пунктом, где открывается возможность метафизических исследований. И именно в этом пункте Кант заканчивает свое исследование о возможности опыта, и Платон начинает свое учение о немислимости опыта.¹⁷ По мнению Юркевича, Кант необоснованно признал присутствие категорий в разуме неизъяснимым фактом.¹⁸ С точки зрения русского философа, задача онтологии состоит в том, чтобы объяснить категории нашего мышления, такие, например, как субстанция, причинность, необходимость, возможность, как вытекающие непосредственно из безусловной истины разума, и сам попытался осуществить эту программу в своих работах. Согласно Юркевичу, Кант не видел пути к истинно сущему потому, что он приписывал категориям имманентное применение, которое делает возможным опыт, и упускал из вида отмеченное уже Платоном их рефлексивное применение, которое делает возможным критику самих форм опыта, задающуюся вопросом, соответствует ли опыт смыслу этих категорий.¹⁹

По мнению Юркевича, учение Канта об опыте не отвергает возможности метафизики сверхчувственного, которая возникает из этой критики разума над формами опыта. Однако поскольку Кант ошибочно считал предметом только феноменальный мир чувственности, он оказался не в состоянии решить фундаментальные задачи метафизики сверхчувственного, сущность которых сводится к одному — объяснить и понять наш опыт так, чтобы для разума был дан предмет.²⁰

Идея для Платона, подчеркивает Юркевич, имеет значение формальное или логическое и выражает требование единства, неизменяемости и общезначимости определений, которое воплощает сущность разума и без выполнения которого ни здравый смысл, ни опыт, ни слово, ни положительные науки невозможны.²¹ С точки зрения платоновской теории идей, любое мирозерцание, объявляющее человеческое слово невозможным, должно быть отвергнуто как несовместимое с формальными требованиями разума. В своих диалогах «Теэтет», «Кратил», «Софист» Платон показывает, что защитники учения о безусловном изменении всего существу-

---

¹⁶ Там же. С. 510.

¹⁷ Там же. С. 512.

¹⁸ Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике // И. Кант. Соч.: В 6 т. Т. 4, ч. 1. М., 1965. С. 118–122.

¹⁹ Юркевич П. Д. Разум по учению Платона. . . С. 518.

²⁰ Там же. С. 519.

²¹ Там же. С. 475.

ющего встречают первое опровержение своих воззрений при обсуждении проблемы сущности человеческого слова.²² Возможность слова основывается, по Платону, на предположении неизменяемого содержания знания или идеи как тождественной с собою мыслимой сущности. Считая обоснованным отличие логической правильности мышления от его истинности, Юркевич видит источник этого расхождения не в самой природе разума, а в его несовершенстве. Сам по себе в своей всеобщности, подчеркивает Юркевич, разум есть разумение или знание истины, и правильность мыслей есть непосредственно их истина. Именно это понятие о разуме и его истине было развито, согласно Юркевичу, в учении Платона об идеях. В идее выражается то, что есть сама вещь, истинно-сущее. Таким образом, разум, по Платону, есть созерцание метафизической истины или созерцание идей.

Согласно Юркевичу, классический аргумент Сократа против скептицизма заставляет и кантовское учение об опыте вращаться в безвыходном круге. Если кантовская философия из анализа познавательных способностей субъекта делает вывод, что наука не знает самой истины, а имеет дело только с кажущимся, являющимся, то сама она также должна разделить судьбу науки, и ее собственное учение не должно претендовать на истину.²³ Кантовское учение о том, что наше познание феноменально само, следовательно, должно быть феноменальным и не может утверждать, что мы не знаем истины. Сам же Кант, подчеркивает Юркевич, признает безусловно истинным то, что мы можем познавать только явления, и это, по мнению русского философа, напоминает человека, который громко говорит, что он не может говорить. Положение Канта о том, что человеческий разум таков, что он может познавать лишь явления, основано на убеждении в безусловной истинности познания самой сущности разума. Согласно Юркевичу, Кант исходил из познания о метафизической и абсолютной истине в том смысле, как ее понимал Платон. По мнению Юркевича, само учение Канта возможно только вследствие учения Платона о разуме, предполагает наличие метафизической абсолютной истины, иначе его концепция опыта также неистинна, как и его вывод, что наука имеет дело только с кажущимися явлениями.

Далее Юркевич полагает, что учение Канта, отрешенное от скептицизма, который невозможен в смысле философского принципа, есть открытие и блестящее развитие одной безусловной метафизической истины, что разум, перерабатывающий данные чувственности по своим идеям, может познавать только явления вещей. Но когда подвергаются критике эти явления вещей и выясняется, что может быть удержано чистым разумом как

²²Платон. Тезет (180a–183a). Т. 2. С. 275–279; Софист (267a–267d). Т. 2. С. 397–398; Кратил (439a–490d). Т. 1. М., 1968. С. 489–491.

²³Юркевич П. Д. Разум по учению Платона. . . С. 519.

его предмет, то здесь происходит познание самой сущности вещей. Отсюда Юркевич делает вывод, что две установки — кантовская и платоновская — не только не противоречат, но, наоборот, истина кантовского учения об опыте возможна только вследствие истины учения Платона о разуме.²⁴ Однако Кант ошибочно полагал законы деятельности познающего разума как сугубо субъективные и поэтому положил начало тому направлению метафизики, согласно которому законы познающего субъекта есть результат деятельности этого субъекта и следствие, таким образом, есть основание самого себя.²⁵ В учении о безусловной основе мира это заблуждение привело, согласно Юркевичу, к парадоксальному мнению, что безусловное предпосылает себе самого себя, в результате чего союз метафизики со скептицизмом перешел в союз ее с софистикой.²⁶

В «Критике чистого разума» своим учением о субъективности категорий Кант навязывает нам невозможное убеждение, что чем более мы погружаемся в область призрачного, кажущегося, тем более мы перерабатываем чувственно данный материал по законам разума. Благодаря категориям мы перемещаемся из области истинно-сущего в область призрачного, и именно эти категории обуславливают возможность всеобщих и необходимых познаний априори. Более того, разум как способность, восходящая до идеи о безусловном, обречен на неизбежные и роковые иллюзии,²⁷ вследствие которых он признает бытие бессмертной души и бытие Бога. И критика чистого разума, находящая это признание необоснованным, признается, однако, в том, что разогнать эти иллюзии невозможно, поскольку они принадлежат самой сущности разума. Тем не менее как моральные существа мы, согласно Канту, должны верить в бытие того сверхчувственного мира, признание которого со стороны чистого разума считается неизбежной иллюзией.

Философской опорой воззрений Юркевича был платонизм, приверженность которому все больше укреплялась в процессе критики кантовского учения, которая не была самоцелью, а лишь стремлением преодоления кантианства и возрождения на почве положительной философии традиции, восходящей к Платону. Обращаясь к учению Платона, Юркевич пытался открыть новые пути и горизонты перед философией. Его интересует общая идея знания. Юркевич расширяет понятие идеи и выводит его за рамки чистой эпистемологии. Он отстаивает концепцию целостного философского знания, включающего логику, метафизику, этику. Философия должна осознавать мир в идеях и открывать разумную сущность с ее необходимыми атрибутами Истины, Блага и Красоты. «Есть общая нау-

²⁴ Там же. 520.

²⁵ Там же. 522.

²⁶ Там же.

²⁷ Кант И. Критика чистого разума // И. Кант. Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 340–346.

ка, которая дает нормы для мышления; есть наука норм для бытия; есть наука норм для деятельности».²⁸ Логика, метафизика и этика как абсолютно общие познания о том, «что мыслимо, что есть и что должно быть», представляют, согласно Юркевичу, целостное философское мирозерцание человечества, раскрывающего свою духовную жизнь во всей полноте и многообразии ее моментов.

Юркевич ратовал за жизненную «практическую» философию, за преодоление разрыва между «школой и жизнью», теорией и практикой. По его мнению, высказанному в процессе анализа воззрений Платона, «то, что может быть (идея), переходит в то, что есть (действительность), посредством того, что должно быть».²⁹ Исследования Юркевича в области целостной концепции знания явились основой для всей последующей традиции в русской философии, нашедшей свое наиболее яркое выражение в теории «всеединства» как синтетического мировосприятия, руководствуясь которым только и возможно достижение истинного знания, истинного действия и достойного положения человека в реальной действительности.

---

²⁸ Юркевич П. Д. Разум по учению Платона. . . С. 526.

²⁹ Там же. С. 489.

А. А. ГОСУДАРЕВ

УЧЕНИЕ ПЛАТОНА ОБ ЭРОСЕ И УЧЕНИЕ О КРЕСТНОЙ ЛЮБВИ СЯТИТЕЛЯ ФИЛАРЕТА (ДРОЗДОВА), МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО

Платон мне друг, но истина —
еще больший друг.

Аристотель

Н. А. Бердяев в «Русской идее» поставил в особенную заслугу В. В. Розанову то, что последний будто бы с небывалым радикализмом и религиозной глубиной ставил вопрос о поле и половой любви.¹ Вряд ли Розанов по-настоящему заслуживает столь лестного отзыва, ведь все его высказывания на этот счет были не более, чем полемическим комментарием к христианскому пониманию любви и платоновскому учению об эросе. Пожалуй, именно Платон первым обдумал и решительно высказал в «Пире» и «Федре», что вопрос пола и любви представляет из себя насущную религиозную проблему, от решения которой самым непосредственным образом зависит спасение души. Он раньше всех предложил ее решение,

---

¹ Бердяев Н. А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 138.

© А. А. Государев, 2000